

Враги

Леся Українка

Fiat lux!

- О господи! да что это за жизнь? И зачем я осудила себя на эту каторгу? - вскричала молодая женщина, в изнеможении отчаяния бросаясь на кушетку против горящего камина.

Ее муж посмотрел на нее с нескрываемым отвращением и продолжал ходить большими шагами из угла в угол. Наконец остановился перед женой и грубо тронул ее за плечо.

- Оставь ты наконец эту драматическую позу, она положительно смешна. Сядь толком и поговорим хоть раз в жизни по-человечески.

Она испуганно посмотрела на него, вскочила и села прямо, сложив руки на коленях, однако заметила:

- Какое тебе дело до моей позы? Ведь это самодурство с твоей стороны.

Его передернуло, но он овладел собой.

- Ты говоришь, зачем ты осудила себя на эту каторгу, я мог бы себя то же спросить. Ведь, в сущности, мы всегда друг друга... - он хотел сказать "терпеть не могли", но сказал только "мучили". Так не лучше ли...

Она не дала ему докончить.

- О да, конечно, так легче всего: истерзать, измучить, а потом: уходи прочь, ты мне уже не нужна.

- Но что же по-твоему? какой же выход?

В ответ полилось что-то бессвязное, жалобы, упреки, требования, уступки и, наконец, все потонуло в слезах.

- Но что же нас связывает? - заговорил муж, стараясь всеми силами сохранить спокойствие. - Детей у нас нет, материально мы друг от друга независимы, любви... - он натянуто засмеялся, - об этом смешно даже говорить.

- Понимаешь ли ты, что этот смех возмутителен, я не могу больше выносить этого! - и жена стремительно убежала из комнаты, заперлась у себя, и все попытки мужа вызвать ее на объяснение или хотя бы просто из комнаты остались тщетны.

Он сел у камина и задумался угрюмо.

Это правда, они всегда друг друга терпеть не могли. С первого знакомства у них все разговоры носили характер спора, всегда переходившего на личную, почву. Даже за глаза они отзывались друг о друге не иначе как с насмешечкой. В странной форме он сделал ей предложение: "Это, конечно, покажется вам смешным, и это действительно смешно, но - я люблю вас".

- Если вы находите это смешным, - отвечала она обиженным тоном, - то к чему все

это, в таком случае, – и она хотела уйти, искренно возмущенная, но когда он удержал ее за руку и спросил, согласна ли она быть его женой, она ответила – да! – потом зарыдала, ушла к себе и не хотела больше видеть его в тот день.

Когда они были женихом и невестой, их присутствие всегда стесняло общество, в котором им случалось находиться вместе. Они перебрасывались самыми обидными, колючими насмешками, упреками, несмотря на свое объявленное положение и даже как бы подчеркивая его. Но им никогда не приходила в голову мысль разойтись, им казалось, что возврата уже нет и они с какой-то иронией пошли под венец. А потом потянулась эта "каторга", как вот она только что сказала.

Погруженный в эти тяжелые воспоминания, он не заметил, как жена опять вошла в комнату, бледная, но спокойная с опущенными заплаканными глазами.

– Да, ты прав, – произнесла она неожиданно, так что он вздрогнул, – нам не к чему жить вместе, ведь бессмысленно оставаться вместе, когда ты меня терпеть не можешь.

– Разве я это говорил?

– Да.

– Неправда, ты нагло извращаешь мои слова, как всегда.

– Дело не в словах...

Но он злобно, раздраженным тоном начал доказывать, что это неправда, будто он ее терпеть не может, что это она его всегда ненавидела и терзала.

– Ну, да все равно, мы отравляем друг другу жизнь. Кто бы там не был виноват, это невыносимо. Надо кончить эту глупую комедию.

Тут он заметил ей, что если она считает брак комедией, то он удивляется, как она может называться порядочной женщиной. И наговорив друг другу ужасных по своей неприкрытой жестокости вещей, они разошлись оба по разным комнатам.

И такие сцены повторялись, как припадки сумасшествия у безнадежных больных, все чаще и чаще.

Однажды они, утомленные, измученные этой бесплодной борьбой, сидели молча, он за книгой, она за работой, избегая заговорить друг с другом, боясь новой бури, – ах, они оба уже так устали от этих бурь.

Вдруг, он поднял голову над книгой и посмотрел на жену. Она сидела, опустив руку с иголкой на колени, и смотрела на него полным слез взором, в котором вместо обычной ненависти светилась глубокая печаль и, казалось, даже нежность.

– О чем ты думаешь? – спросил он и сам удивился, так кротко прозвучали эти слова.

– О том, что мы должны, должны разойтись, да, дорогой, – она покраснела, выговорив это непривычное слово.

Его глаза вспыхнули, но не злобой, он подошел к ней, взял ее за руку, что-то нежное поднялось в его груди и много, много непривычных слов стеснилось в его мысли, но он их не сказал. Медленно, кротко и тихо, но тоном непоколебимого решения он произнес:

– Да, мы разойдемся.